

ЭМИГРАНТСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РОМАНА В.Н. ВОЙНОВИЧА «МОСКВА 2042»

В статье рассматриваются особенности наиболее известного романа Владимира Николаевича Войновича «Москва 2042», связанные с социальным положением писателя – положением русского эмигранта. Особое внимание уделяется характерным способам создания антиутопической реальности и образу одного из героев. Анализируются сатирические элементы и экстралитературные отсылки, связанные с отношением писателя к некоторым представителям русской эмиграции – в частности, к А. И. Солженицыну.

Ключевые слова: Владимир Войнович, антиутопия, сатира, русская эмиграция.

Первые постреволюционные годы в России характеризуются общественно-патриотическим подъёмом и верой в возможность построения коммунизма. Прокommунистические настроения отражаются во многих произведениях этого периода, многие из которых содержат элементы утопического характера.

Однако со временем писатели и поэты в своих произведениях показывают несостоятельность советского строя, что приводит к развитию жанра антиутопии. Антиутопия представляет собой критическое описание общества утопического типа, позволяет выделить наиболее опасные, с точки зрения авторов, общественные тенденции и гиперболизировать их.

Конечно, власть не могла допустить прямой критики со стороны интеллигенции, поэтому целый ряд писателей оказались в эмиграции – по своей воле или были высланы из страны. Наиболее известными представителями третьей волны русской эмиграции стали В. Аксёнов, Г. Владимов, А. Синявский, С. Довлатов, И. Бродский.

Подобная судьба постигла и Владимира Войновича. Его имя прогремело в 70-е, когда за границей был широким тиражом опубликован сатирический роман «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». Разумеется, об официальной публикации этого произведения в СССР не могло быть и речи. Но оно было доступно советскому читателю, благодаря «самиздату». В связи с широким распространением этого романа на Западе и в СССР Войнович вступил в открытый конфликт с властью, в результате которого в 1980 году был выслан из страны. В эмиграции он написал один из самых известных своих романов – антиутопию «Москва 2042».

Вполне естественно, что писатель-эмигрант, лишенный советского гражданства, был склонен к критике и обличению СССР. Поэтому меня интересует не столько поиск признаков антиутопии в романе Войновича, сколько выявление *способов* создания антиутопической реальности, на выбор которых влияет социальное положение писателя – положение русского эмигранта.

Роман Войновича отличает откровенная сатира на советский строй, которая является одним из главных средств создания антиутопии. Войнович доводит до гротеска некоторые советские реалии, подчёркивая их несостоятельность и абсурдность.

Так, автор гиперболизирует советскую тягу к аббревиатурам, вводя их буквально во все сферы жизни человека. Даже «сельскохозяйственное» название столицы – МОСКОРЕП – это аббревиатура, которая расшифровывается как «Московская ордена Ленина Коммунистическая республика». По мере пребывания героя в МОСКОРЕПЕ количество сокращений только увеличивается, что усложняет восприятие и без того странной реальности.

Вот некоторые из аббревиатур, отражающих жизнь граждан МОСКОРЕПА: БЕЗБУМЛИТ (безбумажная литература), ВНУБЕЗ (внутренняя безопасность), ПРЕКОМПИТ (предприятие коммунистического питания), КОБЕСОТ (кабинет естественных отправлений), ГЭОЛПДИК (государственный экспериментальный ордена Ленина публичный дом имени Крупской) и т.д. Войнович низводит практически святые для советского гражданина имена Ленина и Крупской, помещая их в названия предельно бытовой сферы. Пределом такого низведения становится название «Государственный ордена Ленина дермопровод имени Ленина».

В романе иронически обыгрывается и большое количество различных лозунгов, плакатов, сводов правил. Герой-повествователь говорит: *«Я видел много всяких лозунгов, призывов и здравий, среди которых были давно мне известные, но были и новые. Вроде, допустим, такого: СОСТАВНЫЕ НАШЕГО ПЯТИЕДИНСТВА: НАРОДНОСТЬ, ПАРТИЙНОСТЬ, РЕЛИГИОЗНОСТЬ, БДИТЕЛЬНОСТЬ И ГОСБЕЗОПАСНОСТЬ»* [1, с. 158]. Лозунг, отражающий главные принципы жизни при победившем коммунизме, коррелирует с девизом государственной идеологии времён правления Николая I – *«Православие, самодержавие, народность»*, – что можно интерпретировать как насмешку над любой навязываемой официальной идеологической доктриной, каковых в истории России было немало.

Доведена до абсурда и обязательная для советского гражданина сдача макулатуры, металлолома, стеклотары и прочих отходов человеческой деятельности. *«КТО СДАЁТ ПРОДУКТ ВТОРИЧНЫЙ – ТОТ ПИТАЕТСЯ ОТЛИЧНО»* или *«КТО СДАЁТ ПРОДУКТ ВТОРИЧНЫЙ – ТОТ СЕКСУЕТСЯ ОТЛИЧНО»* – каждый из этих плакатов приурочен к какой-либо стороне личной жизни комунянина: посещению пункта общественного питания и «Дворца любви» соответственно.

Особая роль в МОСКОРЕПЕ отведена религии. Церковь не отвергается государством, а, напротив, активно поощряется и используется. Иисус Христос поставлен в один ряд с Марксом, Энгельсом и Лениным, что само по себе носит горько-комичный характер. Религиозные обряды причудливым образом сочетаются с обрядами общественно-политической жизни комунян, за счёт чего коммунизм возводится в ранг религии.

Помимо пародии на советскую действительность, в романе присутствует и тема собственно эмиграции, которая наиболее полно представлена в образе

Сим Семыча Карнавалова. Сим Семыч, бывший заключенный, исповедующий монархические взгляды, во многом схож в А. И. Солженицыным. Цель жизни Сима – создать 60-томное произведение «Большая зона». Тома он называет «глыбами», что отсылает читателя к сборнику «Из-под глыб», в котором были опубликованы статьи писателей-эмигрантов, в том числе три статьи Солженицына. Фигура Семыча в романе гиперзначительна. По необъяснимым причинам (Войнович не «цитирует» Карнавалова) он считается гением, «новым Толстым». В гениальности Сима сомневается только главный герой, который сам является писателем и испытывает профессиональную ревность к новоявленному самородку. «Если человек задумал написать шестьдесят романов по тысячи страниц, ему в психушке самое место» [1, с. 55], – считает Карцев.

Однако довольно быстро и он попадает под влияние таланта Карнавалова. Постепенно личность Семыча становится культовой. Поклонники считают его мессией, призванным возродить монархию в России. Ведь он, по его собственным словам – прямой наследник престола, сын Николая II.

Основным способом конструирования образа Сим Семыча Карнавалова является оксюморон – сочетание несочетаемого. Фамилия Карнавалов, которую, учитывая её семантику и подход М. М. Бахтина, можно трактовать как нечто, предполагающее смеховое диалогичное начало, не соответствует как сверхсерьёзному монолитному герою, так и его прототипу. Она подчёркивает «сделанность», карнавальность образа Сима. Он окружен легендами, неизвестно на чём основанной верой в его особую миссию.

Таким образом, эмигрантская составляющая романа Войновича проявляется как в способе построения текста в целом, так и в образе Карнавалова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Войнович В. Москва 2042. М.: Эксмо, 2015. 448 с.

*А. В. Макарычев (Россия, Самара)
Научный руководитель Е. С. Шевченко*

ПРАВОВОЙ КОД ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА «ЗОНА»

В данной статье рассматривается понятие правового кода литературы на примере повести С. Довлатова «Зона (Записки надзирателя)». Через правовую рефлексию автора устанавливается, что для Довлатова означали тюрьма, преступление и что он вкладывал в собственное высказывание «ад – это мы сами».

Ключевые слова: Сергей Довлатов, правовой код, повесть «Зона», рефлексия.